

ОТ РЕДАКТОРА

30 августа 2021 года ушел из жизни Всеволод Владимирович Овчинников.

Когда мы готовили к печати второе издание этой книги* у автора был юбилей, ему исполнилось 85 лет, а также 60 лет — работе в журналистике.

В сентябре 1951 года выпускника китайского отделения Военного института иностранных языков, зачислили в штат газеты «Правда» с перспективой работы в Пекине.

В 50-х годах Всеволод Владимирович семь лет представлял «Правду» в Китае, в 60-х — семь лет в Японии, в 70-х — пять лет в Англии.

Казалось бы, о такой насыщенной событиями биографии можно было только мечтать. Но это была работа: тяжелая, сложная, требующая не только знания языка, но и оперативности, дипломатичности и учета особенностей страны и ее культуры.

С 2001 года «Российская газета» каждую неделю публиковала колонку под рубрикой «Путешествие», а затем через пять лет появилась рубрика «Час с Овчинниковым». Накопленные материалы были собраны и напечатаны в виде книги. Так что это уже третье издание, ранее вышедшие книги уже невозможно найти на полках книжных магазинов.

Почему мы вновь возвращаемся к этому сборнику? Сейчас проблемы глобализации и стремление к однополярности мира стоят очень остро. Всеволод Владимирович считал, что «процесс глобализации обостряет проблему целостности национальной стабильности, при которой культура каждого народа сохраняет собственное неповторимое звучание, словно музыкальный инструмент в гармонично слаженном оркестре».

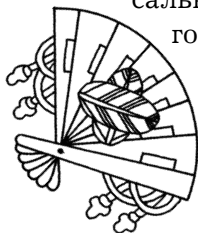

ТЯНУТЬ ПЛАНКУ ВВЕРХ

Оглядываясь назад, думаю, что мне выпала нелегкая, но счастливая судьба. Слова Евгения Евтушенко: «Поэт в России — больше, чем поэт» мы, советские журналисты-международники, экстраполировали применительно к нашей профессии. Мы относились к ней не как к ремеслу, а как к служению. То есть всегда сознавали свою ответственность перед обществом, считали своим профессиональным долгом помочь соотечественникам смотреть на окружающий мир без предвзятости, без идеологических шор.

Ради этого мы, полтора десятка ведущих журналистов-международников, бились головами о тесные своды ниши дозволенного. Но люди ценили нашу искренность и целеустремленность. Во время поездок по стране мы повсюду собирали самые большие залы.

Мое творческое кредо — вооружить людей правильной методикой восприятия зарубежной действительности. Суть ее такова: нельзя мерить другие народы на свой аршин. Ведь наши стереотипы поведения, системы ценностей отнюдь не универсальны, как и грамматические формы нашего родного языка. Чтобы понять зарубежную страну, надо изучить «грамматику жизни» ее народа. Именно особенности национального менталитета дают ключ к подлинному пониманию зарубежных реалий.

Эту свою стезю в журналистике я нашел не сразу. После семилетнего срока работы в Китае и половины семилетнего срока в Японии, после того как выпустил по три книги о каждой из этих стран, возникло чувство неудовлетворенности от традиционного журналистского жанра. Захотелось написать не только о политических, экономических и социальных проблемах, но и о почве, в которой эти проблемы коренятся, об атмосфере, в которой они зревают.

Когда трагическая размолвка между Москвой и Пекином заставила меня переквалифицироваться из китаиста в япониста, коренное различие в национальном менталитете этих двух дальневосточных народов натолкнуло меня на мысль сопоставить их «грамматику жизни». Так родилась идея создать как бы путеводитель по японской душе, каковым стала моя книга «Ветка сакуры», напечатанная в журнале «Новый мир» в 1970 году.

Сам ее замысел был новшеством для нашей тогдашней публицистики. Да и тот факт, что «Ветка сакуры» впервые опубликовал Твардовский, когда выход каждого номера его «Нового мира» становился событием в духовной жизни страны, несомненно, усилил вызванный ею резонанс. А самым дорогим откликом стали для меня слова Константина Симонова: «...для нашего общества эта книга такой же глоток свежего воздуха, как песни Окуджавы».

За тридцать с лишним лет «Ветка сакуры» переиздавалась более тридцати раз (в том числе четыре раза в Токио). Японцы включили ее в антологию «Три лучшие книги, написанные о нас иностранцами». Даже британцы, скептически относящиеся к попыткам иностранцев разобраться в их национальном характере, встретили английское издание «Корней

дуба» весьма благосклонно. Джеймс Олдридж писал в «Санди таймс»: «Я часто забывал, что писал эту книгу не англичанин. Я вчитывался в нее, чтобы побольше узнать об обществе, в котором я живу».

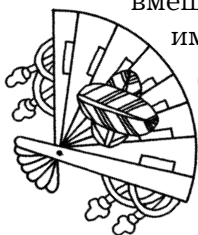
Однако на Родине это лишь усилило критику автора со стороны идеологических ведомств. Дескать, за рубежом неслучайно ухватились за эти писания. Мол, присущая им идеализация капиталистической действительности, отсутствие классового подхода льют воду на мельницу наших противников. Лишь через пятнадцать лет после первой публикации «Ветка сакуры», а также «Корни дуба» и «Горячий пепел» были удостоены Государственной премии СССР.

Набирающий силу процесс глобализации обостряет проблему сохранения национальной самобытности. И здесь, по моему убеждению, человечество должно избрать не принцип унификации, поголовного навязывания всем неких универсальных, проще говоря — западных стандартов, а принцип симфонизма, при котором культура каждого народа сохраняет собственное неповторимое звучание, словно музыкальный инструмент в гармонично слаженном оркестре.

Я рад, что у россиян теперь больше возможностей воочию увидеть это «единство в многообразии», которое и составляет главную красоту нашей планеты.

Это не означает, что задача журналиста-международника в наши дни упростилась. Сколько бы сегодняшние собственники СМИ ни твердили, что не вмешиваются в творческий процесс, они имеют даже более жесткие рычаги воздействия на авторов, чем когда-то секретари парткомов по пропаганде.

Вторая опасность — «цензура рейтинга». Чем больше читателей, зрителей, слушателей

удалось привлечь, тем выше тарифы за рекламные вставки в данный материал. Стало быть, тем больше прибыли достается владельцам СМИ. А человеческая натура легче всего поддается низменным инстинктам. Поэтому насилие, секс, частная жизнь звезд шоу-бизнеса доминируют на телеэкранах и в бульварной прессе.

В этих условиях особенно важна, жизненно необходима просветительская, воспитательная роль серьезной, качественной журналистики. Именно она призвана воспитывать вкусы людей, расширять их кругозор, стимулировать интерес к познанию окружающего мира. То есть тянуть вверх планку духовных запросов.

«Китайская грамота» — ключ к успеху

Убежден, что ключом к успеху в журналистике в моем случае послужило знание восточных языков, философии и культуры, что стало основой моей профессиональной компетентности. Выучить китайский, а потом, когда мне было уже за тридцать, взяться за японский, было чертовски трудно. Зато в этих двух странах мне не только не мешал языковой барьер, но, что неизмеримо важнее, очень помогал языковой мост. Достаточно было прочесть иероглифическую надпись на картине или на вазе, процитировать, к месту или не к месту, древнего философа или поэта, чтобы разом расположить к себе собеседника, вызвать у него интерес и симпатию к «необычному иностранцу».

Ведь попасть в Китай — значит не просто оказаться в зарубежной стране. Это равносильно перемещению в иной мир, в царство загадочных знаков и неведомых симво-

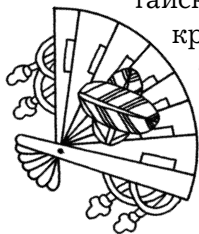
лов. В Европе и Америке, даже не зная языка, всегда догадаешься, какая дверь общественного туалета предназначена для мужчин, какая — для женщин. Как же быть, если надпись сделана иероглифами?

В любой стране ключом к пониманию души народа может служить прикладное искусство. Но в Поднебесной перед иностранцем тут же возникает некий иероглифический барьер, система художественных образов, доступная лишь посвященным.

Например, каждое из времен года китайцы привыкли связывать с определенным цветком. Пион символизирует весну, лотос — лето, хризантема — осень, слива — зиму. Причем каждый из этих цветков метафорически соответствует определенному периоду человеческой жизни, служит воплощением определенных образов.

Весенний пион — это символ любви, семейного счастья. Поэтому он обычно красуется на подарках для молодоженов. Лотос считается символом душевной чистоты, милосердия. Этот летний цветок воплощает слова Будды о том, что даже среди болотной грязи можно оставаться незапятнанно чистым. Осенняя хризантема, расцветающая вопреки инею, олицетворяет душевный покой и стойкость — качества, особенно ценимые на закате жизни. Наконец, слива, расцветающая в Новый год по лунному календарю, символизирует наиболее важную для китайцев черту их национального характера — жизнерадостность среди невзгод.

После вторжения японских войск в 1937 году китайские летчики рисовали цветы сливы на крыльях полученных из СССР истребителей. Это выражало ту же мысль, что у нас в 1941-м слова: «Будет и на нашей улице праздник!» Конечно, четыре перечисленных художественных образа — лишь первые строчки

эстетического букваря. Но даже они помогут понять смысл многих произведений китайского прикладного искусства.

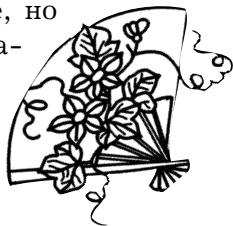
В первый год своей работы в Пекине я объяснял все это нашему дипломату и его супруге — пышной даме бальзаковского возраста. Мы сидели под платаном в уличной харчевне. А с ветвей свешивались бумажные ленты с надписями, восхвалявшими здешнюю лапшу.

— Как я завидую вам, Всеволод, что вы освоили эту китайскую грамоту, — кокетливо говорила мне дородная соотечественница. — Я порой глаз не могу оторвать от иероглифов. В каждом из них столько гармонии, столько эстетики. Кстати, попросите, пожалуйста, хозяина отрезать мне на память вот этот иероглиф. И пожалуйста, еще вот этот..

Несколько удивленный, владелец харчевни выполнил просьбу иностранки. Та убрала куски бумажной ленты в сумочку. А потом отнесла их портному и попросила вышить иероглифы золотом на вечернем бархатном платье. В нем она и отправилась с мужем на прием по случаю национального праздника КНР. Премьер Чжоу Эньлай чуть не упал от изумления. Ведь на одной груди супруги дипломата было написано «Вкусно», а на другой — «Дешево».

Этот эпизод я рассказываю в назидание своим внукам, которые любят носить майки со всякими непонятными надписями. Каюсь, что недавно сам купил в Токио майку с объявлением «Секс-инструктор. Первый урок бесплатно».

Надевал ее на черноморском пляже, но никакого отклика надпись не вызвала. Хотелось бы верить, что не из-за моего возраста, а просто из-за того, что у нас еще плохо знают восточные языки.

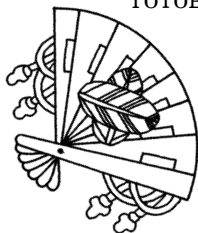

КОКОН КОМПЕТЕНТНОСТИ

Знание языка особенно помогало мне в Китае 50-х годов. Возможность беседовать со мной один на один сразу придавала контактам с местными руководителями доверительный характер. Они относились ко мне не как к иностранцу, а как к своему. Я тоже держал себя как человек, допущенный к конфиденциальной информации.

Однажды, когда я был в отпуске, меня пригласил Андропов, курировавший социалистические страны как секретарь ЦК КПСС. Именно от меня он впервые услышал о намерении Мао Цзэдуна уйти с поста главы государства и остаться лишь руководителем партии.

Андропов тут же при мне позвонил и в соответствующий сектор ЦК, и в МИД, и в КГБ. Но у нас об этой новости еще никто не знал. А когда мои слова подтвердились, Юрий Владимирович предложил мне стать консультантом в его отделе. Это сулило много благ и привилегий. Еле упросил оставить меня в газете и порекомендовал ему более молодого китаиста, Виктора Шарапова, которого «Правда» готовила на смену мне в Пекине.

Когда Хрущев перессорился с Мао Цзэдуном и китайская тема утратила свою приоритетность, я решил переквалифицироваться в япониста.

Используя свой авторитет востоковеда, убедил начальство,

будто японский язык отличается от китайского не больше, чем белорусский от русского. Иероглифы, мол, те же самые, и наши восточные соседи без труда понимают друг друга.

Мне наняли преподавателя, чтобы я дважды в неделю в рабочее время брал уроки японского языка. Меньше чем через два года после возвращения из Китая я был направлен на постоянную работу в Японию. И там устроился собственной дерзости. Первый год стал самым трудным в моей жизни.

Ежедневно с семи до десяти утра я брал у японца уроки языка. Потом переводчик рассказывал мне о содержании газет, помогал смотреть полуденные выпуски новостей по телевидению. После этого садился писать очередной материал, ибо редакция ежедневно вызывала меня по телефону в три часа дня. Примерно через год пришло чувство удовлетворения, которое испытывает журналист, когда он может со знанием дела прокомментировать любое событие, происходящее в стране пребывания.

Куда труднее оказалось получить признание соотечественников. Дипломатов, чекистов, журналистов, которые работали в Токио, свербил вопрос: «Да что этот Овчинников может понимать в Японии? Он же китаист!»

Сломать отношение ко мне как к чужаку-дилетанту было самым трудным. Зато одержать здесь победу стало столь же радостным. Спустя пару лет моим мнением уже интересовались все. Китайский язык — это латынь Восточной Азии. Так что мои знания древнекитайской философии и литературы позволяли мне блеснуть перед японцами там, где наши японисты мне порой уступали.

Я нашел собственный подход к осещению Страны восходящего солнца. Коренное различие

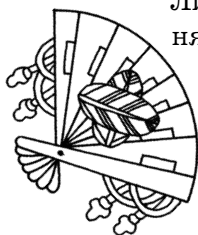

в национальном менталитете китайцев и японцев натолкнуло меня на мысль сопоставить «грамматику жизни» этих двух дальневосточных народов, создать как бы путеводитель по японской душе, каковым стала «Ветка сакуры».

Знать больше других

Расскажу еще об одном откровении в моей жизни, связанном с таким понятием, как компетентность. В начале 70-х мне довелось посетить Иран и побывать в Ширазе — городе роз, соловьев и поэтов. Меня привели на могилу Хафиза. Возле нее всегда сидит седобородый старец с томиком стихов этого персидского поэта. Нужно положить книгу на надгробную плиту и раскрыть ее наугад, чтобы получить напутствие в жизни. Я проделал это с бьющимся сердцем. И вот что прочел мне ширазский прорицатель: «Воспевать красоту звездного неба вправе лишь поэт, хорошо изучивший законы астрономии».

Откровенно говоря, до меня не сразу дошел глубокий смысл напутствия. Выходит, одного литературного таланта, одной способности к образному мышлению недостаточно. Мало заставить читателя увидеть то, что видел, почувствовать то, что чувствовал автор. Чтобы писать о чем-либо, надо постичь подспудную суть событий, надо знать о предмете стократно больше, чем потенциальные читатели.

Лишь осознав это, я по-настоящему понял, почему моя компетентность стала тем коконом, который защищал меня от цензуры в советские времена. Как газетные, так и телевизионные начальники чувствовали, что я знаю о Китае и Японии гораздо

больше их, и не решались делать мне замечания, давать «ценные указания», дабы не попасть впросак.

Помню, самым ответственным выступлением считался двухминутный комментарий в программе «Время», которую смотрела вся страна. Полагалось приносить текст лично председателю Гостелерадио. Сергей Лапин обычно откладывал мои листки в сторону и говорил: «Тут мне тебя учить нечему. Расскажи-ка лучше, за какую тесемку надо потянуть у гейши, чтобы распахнуть у нее кимоно?» Я охотно делился опытом, и общение с начальством этим исчерпывалось. Напутствие Хафиза шло мне на пользу.

За тринадцать лет, пока я вел «Международную панораму», мои тексты читала только редактор программы Татьяна Миткова. Она должна была заранее знать, после каких моих слов какой сюжет включать. Кокон компетентности защищал меня и здесь.

Первым постсоветским изданием моих произведений стал сборник «Избранное», вышедший в 2001 году. Во время верстки мне позвонил редактор и спросил: «Вы десоветизировали ваши тексты?» «Что вы имеете в виду?» — удивился я. «Но мы же теперь смотрим на все по-иному. Внимательно перечитайте эти пять книг, и вам непременно захочется что-то изменить».

Я проштудировал с карандашом тысячу компьютерных страниц сборника, не сделав ни единой поправки. И тут меня охватила эйфория, за которую я был готов расцеловать бдительного редактора. Ведь именно благодаря ему я убедился, что мне не стыдно ни за одну строчку, написанную в советские годы!

Благодарен судьбе, что именно мне выпала возможность первым из наших соотечественников возложить цветы к могиле Рихарда

